

ВЛАДИМИР КРУПИН

ПЕРО ЧАЙКИ

Виктора Лихоносова долгое время причисляли к подражателям Бунина, или Паустовского, или Пришвина. И Юрия Казакова считали его наставником. Все эти фамилии уважаемы, но миновали годы, выходили его книги, и становилось понятно: в России в середине XX века появился новый писатель. И без его этих книг представить русскую литературу невозможно: это писатель со своим голосом, своими героями, своей интонацией, манерой повествования, со своим строем фразы, и всё это подчиняющий главному – России, её истории, людям, природе.

Писательский стиль Лихоносова необыкновенен. Он особый, он какой-то лёгкий, мерцающий, летящий, он рисует картины, которые оживают у тебя в сознании, будто ты не книгу читаешь, а прямо в этой книге живёшь.

Писатель раньше подолгу жил в посёлке Пересыпь на берегу Азовского моря, любил подолгу ходить по отмели и собирать уроненные чайками перья. И кажется, что проза его пишется именно этими пёрышками: чистойшей белизны, лёгкости, дающими ощущение полёта над пространством.

Рождённый в Сибири, на станции Топки, около Кемерово, затем он вырос в Новосибирске. Рос без отца, отец погиб в Великую Отечественную войну, и Виктор всегда помнил об отцовской мечте – вернуться из Сибири в места проживания предков. У Виктора было слабое здоровье, и врачи настоятельно советовали сменить климат. Именно поэтому он, окончив школу, выбрал для дальнейшей учёбы Краснодарский университет. И навсегда связал судьбу с Кубанью. Потом и матушку свою любимую Татьяну Андреевну перевёз к себе. И в своё время похоронил её на Таманском кладбище.

И это была его судьба: и человеческая, и писательская. И счастье для Краснодара.

Но сейчас легко говорить. А каково было пробиваться сквозь казацкое недоверие к сибиряку, чалдону: как это так, да кто он такой, чтобы кубанские казаки были героями его книг? Но он имел на это право, право дала ему любовь к истории России и казачества в особенности. И обострённое чувство справедливости: как же можно предать забвению историю этого края, который стал его второй и окончательной родиной.

Писатель, сибирский уроженец, явился защитником кубанского казачества, его певцом. “И пришли, и высадились в Тамани и на Ейской косе с войсковым скарбом и куском ржаного хлеба, протянули живые силы через всю заболоченную степь. Куда пришли?! Теперь чего только не брешут про казаков, но куда они пришли, на какие страдания?! Ничего, кроме неба, камышей и малярии?! Кто теперь это поймёт, кто им, дряхлым или погубленным смертью, посочувствует?”

Внешне в писательской биографии Лихоносова всё складывалось замечательно: тридцати лет ему не было, как рассказ “Брянские” сделал его

знаменитым. А головокружительный успех повести “Осень в Тамани”, повестей “Чалдонки”, “Люблю тебя светло”, романа “Когда же мы встретимся”, – что говорить!

Какой радостью напитывало чтение его книг, какой светлой, врачующей грустью обволакивало душу! Вот Тригорское, Михайловское, вот тропа меж ними. Вот учитель, сидящий на холме над Соротью. И ты сидишь рядом и не только видишь то, о чём написано, но и слышишь запахи и звуки Пушкиногорья.

И, казалось, многие удачи ждали автора на проторённом им пути воспевания человеческих судеб, как оказалось, что все эти замечательные работы – только подступы к главному труду сибиряка, к созданию художественного полотна “Ненаписанные воспоминания. Наш маленький Париж”.

И в предыдущих всё громче звучала тема России. Но в “Маленьком Париже” это стало основной нотой. Валентин Распутин сказал о романе: “Безсомненно, главный герой этого романа – Память. Память как вечность и непрерывность человека, как постоянное движение из поколения в поколение духовного вещества. Нельзя жить на земле, не помня, чем жили здесь прежде, не зная о трудах, славе, присяге и искренних заблуждениях наших предков”.

“Много меж черноморцев весёлых Гоголей, ничего не писавших, но не было Нестора”, – сетует Лихоносов. Но и он не берёт на себя труд летописца: писатель – человек своего назначения, он взялся за более трудное дело, он воскрешает прошедшую эпоху в событиях, судьбах, красках.

Трагична судьба казачества, об этом мы знаем и начитаны. И о красных, и о белых. Но представить казаков только в страданиях было бы несправедливо. Казаки – это простодушные, чистые сердцем люди, иногда просто дети, непосредственные и живые. И входят в наше сознание, в нашу жизнь новые люди, сохранившие свои жизни для нашего восприятия. Сила таланта прозаика такова, что мы просто воочию видим, как ездит по Екатеринодару ямщик Терёшка, как приворачивает к заведению неунывающего Баграта, понимаем сострадательную душу Манечки Тостопят, которая “даже комару, который её укусил, ножку перевяжет”, и как эта Манечка в своих чудом сохранившихся дневниках воскрешает события, тревоги и радости 1918 года. Словно воочию видно, как мальчишки идут на защиту Кубани: “В учебных тулупках и пальто, с узелками ушли серьёзные гимназисты. Тысячи обывателей спрятались за их спинами. А день тёплый, солнечный. Мне как-то было не по себе, что детям придётся по необходимости стрелять и убивать. Что их ждало, что станет с их беззащитными родными?”

И как таинственна мадам В.! А правдоискатель Лука Костогрыз со своими стихами: “Не знайте в жизни дней ненастья, // цветите сердцем и душой, // и пусть судьба цветами счастья // вам посыпает путь земной”. И, конечно, хранитель казацких преданий Попсуйшапка с его рассказами о доле казачкой. И хитроватый атаман Бабыч. Да даже и Фосса, только мелькнувшего в повествовании, помним. А тоскливая парижская жизнь четы Бурсаков, вся наполненная мыслями о родине, и их возвращение. Всё настолько зримо, всё так озвучено, что ты невольно становишься в центр любого описываемого события. Мы сопереживаем и гордимся теми, кто попадает на службу в царский конвойный полк, и вместе с ними ужасаемся кончине царской семьи. И представляем, как ходит и ходит молитвенница Анисья, нигде надолго не оставаясь, будто надеется перемерить своими ногами побольше пространства, чтобы помолиться за него Господу. Вот её слова: “Иду себе помаленьку да иду, а земелька-то позади остаётся, а глянешь вперёд – и впереди ещё много”.

Этот роман – образец полифонического звучания самой жизни. Это не летопись, это реконструкция прошедшего времени, возрождение его для нас с вами.

В “Осени в Тамани” доморощенный летописец Юхим читает вслух свои записи и как только доходит до слов: “Теперь Тамань уже не та”, – заливается слезами и дальше не может читать. Что говорить нам в XX веке: теперь не та уже вся Кубань.

Виктор Иванович создал книгу обращения к совести, к душе, затронул струны памяти, живущие в нас, они откликнулись, сделали нас чище и лучше.

“Мне не спится. Я выхожу во двор, прохожу мимо тёмных окон и иду по улице. Ночью, только ночью так пробуждается душа, так чувствуешь пространство и время, и соединяет тебя в странствии со всеми, кто был и есть,

с домом и звёздами. Хочется поклониться всему: кладбищам, храмам, дебрям, горам и пустыням Востока, полям Европы и Сибири, лазурным берегам морей, хижинам, дворцам, пирамидам... Бесконечна дорога жизни, и не перечитать всех книг о ней. Зачем ещё и я со своими листами? Душа моя выше моих слов – я теперь это вижу, перечитывая свою работу и вспоминая то, что неуловимыми знаками трепетало во мне. Теперь мне горько: так мало я выразил из того, что чувствовал. Иду и думаю: кому это нужно? Много ли я унесу с собой навсегда, как уносят все люди, что-то в душе своей созерцавшие и наутро никому ничего не сказавшие...”.

Это не роман, это песня.

Как с живыми, мы прощаемся и с Петром Толстопятом, и с Дементием Бурсаком и с Калерией Шкуропатской. И Олимпиаду Швыдкую будем помнить и жалеть. Будем помнить озорство, дерзость, безумные скачки, свидания и разлуки. И звуки военных труб, и топот конницы, и залпы орудий, шум базаров, вокзальные крики – всё уносится к какому-то пределу. “Ранней степью простучали на подводе какие-то люди и исчезли. Как всегда, как во веки вечные. Проехали, и нету их до сего дня...” А для нас всё стучат и стучат колёса этой подводы. И идёт, и идёт богомолка Анисья.

Очень ценны для нас и работы Виктора Лихоносова последних десятилетий. Это “Записки перед сном” и “Одинокие вечера в Пересыпи”. Это именно лихоносовские работы: в них всегда говорит душа.

Виктор Иванович признаётся: “Я всю молодость свою прожил под звездой Шолохова”. Конечно, свет шолоховской звезды освещает “Маленький Париж”, и это так благотворно. А второй титан, влиявший на судьбу Лихоносова, это Твардовский. “Я обязан ему самой жизнью. Не успехами, не слабым огоньком имени, жизнью, жизнью!”

И главное признание: “Да я просто не выжил бы, литература спасла!”

А нам заповедано: много нами русской земельки перемеряно, но и остаётся ещё очень много.

И уже закончил было эту маленькую работу, как вспомнил одну встречу с кубанским казаком. Говорил он именно о том, что дух Запорожской Сечи не угас и сама Сечь не погибла, она переместилась на Кубань.

– Как раз об этом и Лихоносов пишет, – сказал я.

– Иваныч? – радостно возгласил казак. – О, то ж наш Иваныч! Щирый казак!

– Дуже щирый, – согласился я. – Только он не казак, он сибиряк.

– Та ты шо? Казак! Он у письменников атаман.

И я понял, что переубеждать его не нужно. Мы просто пошли и выпили с этим казаком за здоровье Иваныча. Казак мне понравился тем, что жила в нём та самая древняя сила духа, что шла из глубины времени и которую так хорошо выразил Виктор Лихоносов.

– Эх вы, москали! – кричал мне казак. – Что ж вы, даже не пискнули, когда нашу Софию в Константинополе оттягали, а?

– Стыдно, конечно. А вы, запорожцы, сядьте, да и напишите письмо турецкому султану, а?

– А шо, сядем, Иваныч подмогнёт, сочиним письмену султану! Хай вертает!